

Переступи порог

*Дверь открыта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
Максимилиан Волошин.*

Шмерл мечтал о своём доме всю жизнь. Ибо всю жизнь, с самого детства у него не было своего угла. Ребёнком, в Краснополье, он жил в дедушкином доме, старой развалюхе, в которой уместилось двенадцать человек: дедушка с бабушкой и три дочки с мужьями и детьми. Все дети спали вместе на узкой печке, и тому, кому выпадала очередь спать на краю, всю ночь боялся заснуть, чтобы не слететь вниз. Потом он уехал в город и стал жить в общежитиях, всегда переполненных, с двумя–тремя раскладушками посреди комнаты. Потом он женился и попал в такую же большую семью, как его. Тесть, театральный плотник, соорудил двухэтажные кровати и разделил комнаты занавесками, превратив квартиру то ли в казарму, то ли в закулисье провинциального театра.

И, наконец, в Америке Шмерл купил дом. Дом был совсем старенький, пережил он не одно поколение жильцов, а последние два года его неизвестно по какой причине никто не покупал, и он покрывался не только пылью, но и плесенью.

Продавал его риэлтор и его молодой представитель в лице Шмерлиного земляка Иоськи, на вопрос Шмерла, почему дом так долго не продавался, сказал, что хозяева дома давно умерли, а наследники сразу не нашлись и потому дом стоял несколько лет бесхозным, и только сейчас нашлась где-то в Кении какая-то дальняя родственница, и она поручила продать эту рухлядь как можно скорее, пока дом не рухнул. Когда позже Шмерл спросил об этом же у соседей, они рассказали совершенно другую историю, в которой тоже фигурировала Кения, но из неё выходило, что бывший хозяин дома был еврей из Кении, большой знаток Кабалы, и однажды, когда дом загорелся, он остановил пожар своими чарами, и после этого укатил назад в свою Кению, а дом велел продать по истечению нескольких лет, после того, как из него уйдут, созданные им чары. В общем, с домом было что-то непонятное, но для Шмерла это было не главное. Главное было цена дома.

– Дом конечно, не ахти, – сказал Иоська. – Но где вы за такие деньги купите такой шикарный район?! Снесёте эти развалины и постройте новый дом! – уговаривал он Шмерла.

Шмерл кивал головой, со всеми соглашался, ибо цена была как раз по его карману, а сносить дом или не сносить, было его личным делом, и поэтому вопросу он не желал советоваться с Иоськой.

Купивши дом, Шмерл с тестем где-то полгода по выходным занимались ремонтом дома, пока, наконец, Шмерл смог перебраться в него. Конечно, довести всё до блеска там было невозможно, но где-то что подкрасили, где-то что-то подбили, что-то заменили, и жить стало в доме можно. Следов пожара Шмерл в доме не нашёл, и подумал, что история дома, поведанная Иоськой, более правдивая.

Дом стоял на углу улицы, и солнце гуляло в доме целый день, переходя из одного окна в другое.

– Солнечный дом – весёлый дом! – говорил когда-то папа Шмерла реб Довид-Мордух и Шмерл вспомнил эти слова, увидев, каким солнечным оказался дом. И подумал, как радовался бы папа, узнав, что у него такой дом!

Это был не просто весёлый дом, а дом, приносящий добро. И первой заметила это старшая дочка Шмерла Злата.

Особо много знакомых у Шмерла не было, но на „влазины” собрались кое-кто, и даже приехала из Чикаго тётя Броня, которую все не видели лет пять. И за столом тётя Броня сказала:

– Вейзмир! Как я давно вас всех не видала?! Твою Златочку последний раз в Краснополье видала перед отъездом! Она тогда ещё под столом бегала, а теперь смотрю и глазам не верю: невеста! А красавицэ! Слушайте, у меня есть для неё жених! Не жених, а цымус мит кампот! Вы знали Двойру, что жила на Садовой, возле нашего дяди Лазаря? Так вот у неё есть племянник Эдик. Адвокат. Она мне как-то звонила, говорила, найди Эдику а гутэ мэйдалэ! И у меня совсем из головы вылетела, что Злата уже невеста! Боже мой, она уже университет окончила?! А у меня всё время в голове вертелось, что Златкэ а клейнэ мэйдалэ (маленькая девочка)!

И дело завертелось с быстротой пропеллера, как говорил в Краснополье Биня-лётчик.

Перед свадьбой Злата сказала Шмерлу:

- А ты знаешь, папа, я, наверное, никогда бы не встретила Эдика, если бы не этот дом.
- Да, – согласился Шмерл, – тётя Броня без причины никогда в Нью-Йорк не выбралась бы!
- Он добрый, – сказала Злата.
- Кто добрый? – не понял Шмерл.
- Наш дом, – сказала Злата.
- А я думал Эдик, – засмеялся Шмерл.
- И Эдик тоже, – серьёзно сказала Злата.

На этот разговор Шмерл не обратил особого внимания, хотя слова Златы о доме ему понравились. Он скоро забыл про этот разговор и вспомнил его через полгода, когда в дом забрался вор. Как-то жена сказала Шмерлу, что обокрали два соседних дома и все соседи волнуются. Шмерл не высказал беспокойства по этому поводу, сказав, что у них красть особого нечего.

- А телевизор, – сказала жена, – а пару копеек, что лежат дома, а мои платья...
- Большое богатство, – хмыкнул Шмерл, – вору это очень надо?!

Но оказалось, что надо. Через неделю, придя с работы, они на пороге дома застали вора, прихлопнутого дверной перекладиной. Он уже выходил из дома, прихватив два огромных баула с добром Шмерла и у дверей, то ли зацепился за перекладину, то ли она по старости рухнула сама, но она оглушила его, и пришёл он в сознание только после приезда полиции. Полицейские долго осматривали дверной проём, потом приходили ещё какие-то эксперты по строительству, и все пришли к выводу, что балка прогнила уже давно, и то, что она не упала раньше, великое чудо. Потом её осматривал тесть Шмерла и сказал, как ребе в синагоге:

– Она знала, когда падать! Всё время держалась на честном слове. И как мы не заметили этого, когда ремонт делали?

– И хорошо, что не заметили! – сказала жена Шмерла Бася. – А то бы нас этот ганеф обчистил, как курицу от перьев: ничего бы не оставил! У него за углом машина стояла. Весь дом бы туда перетащил!

– Вот дом и не захотел перетаскиваться, – сказал Шмерл, и вспомнил про слова Златы.

С каждым днём Шмерлу дом нравился больше и больше: он привыкал к нему. И Басе он стал нравиться. Однажды она сказала:

– Шмерл, а ты заметил, что у нашей Гуточки, как мы сюда поселились, не было приступов астмы?

– Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить, – постучал по стенке Шмерл. – Я заметил давно, но не говорил, чтобы не переговорить.

– Мы вчера к врачу ходили, и он сказал, что Гуточка совершенно здоровая, – сказала Бася. – Всё прошло. Он очень удивлялся.

– Воздух в доме чистый, – сказал Шмерл. – Легко дышать. Потолки высокие, окна все к солнцу. Хороший дом!

– А мне он вначале не понравился, – сказала Бася. – Когда ты мне его первый раз показал, я подумала, что влезли в болото: краска полуплена, на потолке мокрые пятна, крыша в дырках, пол скрипел, сыростью пахло. Я ничего не говорила, что б тебя не расстраивать: на большее же у нас не было денег! А сама мучилась, ночами не спала. А теперь думаю, хорошо, что не сказала тогда ничего!

– А если бы и сказала, я всё равно его купил бы, – сказал Шмерл. – Я, как увидел его, сразу решил, что куплю. Мне он показался похожим на папин дом.

– Не думаю, – пожала плечами Бася, – мне кажется, у вас был совсем другой дом.

– Конечно, другой, – согласился Шмерл. – Но этот чем-то похожий!

И как по щеке любимой, он провёл ладонью по шершавой стене.

Шмерл любил дом. И дом его любил тоже. Когда он потерял работу и расстроенный пришёл домой, ему показалось, что дом расстроился тоже. Он заскрипел, загудел, то ли от ветра, то ли сам по себе. А потом неожиданно в солнечный день начал течь потолок. При этом не в одном месте, а сразу в нескольких. Тесть посмотрел потолок и сказал, что откуда-то вода скопилась на чердаке, шитрак весь мокрый и таким такой ремонт не сделать, надо звать мастеров. Шмерл работал вместе с ремонтниками всю неделю, перестилая весь потолок, и как его не убеждали и рабочие, и их хозяин посидеть, он не соглашался.

– Имею я права в своём доме поработать, – отмахивался он ото всех. – Я же у вас деньги за свою работу не возьму. Вам заплачу, как договорились.

И в конце ремонта, после всех расчётов, хозяин ремонтников, неожиданно сказал:

– А ты – я смотрю – мастер! Может, ко мне перейдёшь работать. Ещё одну бригаду хочу собрать! Работы много, а людей нет. Вижу, из тебя бригадир будет толковый!

И Шмерл согласился. В тот вечер Бася сказала:

– Вовремя потёк потолок!

– Да, – согласился Шмерл. И добавил: – Немного подзаработаю, и сделаем в зале камин. Он заслужил это.

– Кто он? – спросила Бася.

Шмерл ничего не ответил.

Камин сделали к лету, а к осени Бася решила перекрасить полы. Но дело до полов не дошло. Шмерл в супермаркете встретил тётю Бетю, двоюродную сестру отца, и пришёл домой с новостью:

– У тёти Бети Яник болеет астмой.

– Кто этот Яник? – спросил Бася.

– Внучек её. Два года ему, – сказал Шмерл.

– И что? – спросила Бася.

– Она спросила, нельзя ли, что б он с невесткой пару месяцев пожил в нашем доме, – сказал Шмерл.

– Ты похвалился, – догадалась Бася.

– Сказал, – признался Шмерл. – У них уже сил нет смотреть, как мучается ребёнок. Может ему поможет, как нашей Гуте? У них же в одной квартире две семьи!

– Теперь две семьи будут у нас, – сказала Бася. – И на сколько они к нам?

– На месяц, – осторожно сказал Шмерл.

И Бася ничего не ответила.

Переехала тёти Бетина невестка в воскресенье утром и выходной для всех пропал. Яник, оседлав кочергу от камина, носился по дому с гиканьем и свистом, изображая ковбоя на ранчо, а его мама весь день куховарила у плиты, готовя Янику завтрак, полдник, обед и ужин. Бася нервно ходила по дому, ожидая, когда освободится кухня, а Шмерл, у которого Яник отобрал кресло-качалку, сидел на крыльце с газетой и клевал носом. В этот день у Яника не была приступа, и его мама весь вечер благодарила их, не давая им спокойно смотреть телевизор.

– Когда этот кошмар кончится, – сказала, засыпая Бася.

– Надо потерпеть, – сказал Шмерл. – Ребёнок не взрослый, сидеть, как гриб, на месте не хочет.

Спокойствие и тишина, так любимые всеми исчезли из дома. Месяц прошёл, как в кошмарном сне, и, когда Шмерл сказал, что Янику надо было бы побыть у них ещё месяц, что бы всё закрепилось, так как врач сказал, что, несмотря на то, что приступов уже нет, хрипы в лёгких ещё немножко слышатся, Бася решительно возразила:

– Хватит! Если им надо ещё месяц свежего воздуха, могут снять домик в горах! Полно объявлений в газете! Наш дом им не дом отдыха! Можешь им так и сказать!

Шмерл попытался что-то возразить, а потом махнул рукой, он тоже устал и хотел тишины. Назавтра он им проямлил что-то про ремонт, про каких-то гостей, они его поняли и на следующее утро выехали. И вечером Бася, наслаждаясь, наконец-то, вернувшейся в дом тишиной, задремала у камина. Она не заметила, как уголек выскользнул из камина, упал на ковер и пламя, змейкой пробежав по дому, рванулась пожаром по стенам. Шмерл с Басей едва успели выскочить во двор. Прибывшие пожарные ничего не смогли сделать с огнём.

– Слишком старое здание, – сказал командир расчёта. – Давно надо было капитальный ремонт делать. Всё давно прогнило: стены горят как бумага.

Языки пламени подымались в небо огненными столбами, прямыми, как лучи марсиан Уэллса. Не было ветра и огонь, не шевелясь, шёл вверх. В пламени не был виден остов дома, и казалось огонь идёт не снизу-вверх, а сверху вниз, испепеляя основание. Через час от дома ничего не осталось. Даже фундамента. Только на удивление всем среди тлеющих угольков лежали все вещи из дома, совершенно не тронутые огнём.

– Он ушёл от нас в небо, – сказал Шмерл. – Он думал, что мы добрые. А мы оказались, как все.

Он тяжёло вздохнул и посмотрел на Басю. Она ничего ему не ответила.

Дом был застрахован. Полученных за него денег не хватило на то, чтобы построить дом на этом же самом месте. И они купили старый дом в другом месте. Обыкновенный дом, в котором летом было жарко, зимой холодно, и солнце попадало в него только во второй половине дня.

Марат БАСКИН.